

Леонтьева Елена Михайловна

ВАША ЛЮБИМАЯ КОГДА-НИБУДЬ СПАСИБО СКАЖЕТ

Я, Леонтьева Елена Михайловна (до 1947 г. Костина), 1922 года рождения, пошла в армию добровольцем 26 июня 1941 г. из Орловского педагогического института, где два года проучилась на факультете естествознания.

Меня направили в один из сформированных госпиталей. Мой военный путь протянулся от Брянщины до Воронежа, затем до Стalingрада, к Курской дуге, через Польшу и Германию до Берлина и Праги.

На этих дорогах войны я болела сыпным тифом, была потом трижды ранена и получила контузию. Убегала из госпиталей, не долечившись и не получив на руки документов, лишь бы поскорее догнать своих однополчан и с ними вместе идти в новые бои. Получив инвалидность, я имела право вернуться домой, но я даже мысли такой не допускала.

О войне помнишь почти все, но что-то памятно особенно. Так, я вспоминаю бои на белорусской земле, на Жлобинском направлении.

В ноябре 1943 г. я была санинструктором 236-го гаубичного артиллерийского полка. Были трудные бои при форсировании рек Березина и Сож. Воевать в болотах нелегко! 14 декабря частям на нашей линии обороны было дано задание начать наступление в направлении Жлобина. Началось оно с артподготовки. Я находилась на наблюдательном пункте, где командир дивизиона корректировал огонь, где рядом были связисты, разведчики и автоматчики.

Первая попытка наступления под огнем захлебнулась, вторая – тоже была безуспешной. Заговорили о том, что офицеров в составе пехоты не осталось – все убиты или ранены. На наш НП пришел замполит командира дивизиона капитан Тимашурин и сказал: «Я пойду в пехоту, попробую поднять солдат на выполнение приказа». Я слезно напросилась идти с ним. Пришли, он начал беседовать с солдатами, а я – оказывать помощь раненым. Потом политрук подошел ко мне и говорит, что здесь находятся штрафники, что их очень трудно поднять в атаку, что это, видимо, смогу сделать только я, девчонка.

Напомнил мне, что я комсомолка и надо выполнить свой долг. Я его поняла сразу. Но как трудно было преодолеть себя! О смерти я не думала. Но почему-то мое тело стало ватным и свинцово тяжелым, всю меня била противная дрожь, лязгали зубы. С каким трудом, упираясь в стенки траншеи, я вытащила свое, такое непослушное, тяжелое тело на бруствер, с каким трудом оторвала себя от земли и, поднявшись, крикнула как можно громче: «За Родину, за Сталина!» – и побежала в направлении немецких траншей. Я перестала воспринимать окружающее, в голове лишь одна мысль: только бы хватило дыхания, только бы не упасть. И тут вижу рядом капитана с пистолетом в руке и – о, радость! – слышу солдатское «ура!»

Вот и немецкая траншея. Я оказываю помощь нашим раненым, ищу, где можно их укрыть на время боя. Идет рукопашная. Я натолкнулась на блиндаж. А в нем по земле катаются наш солдат и немец в смертельной схватке. У немца в руке кинжал, он пытается убить нашего солдата. Я изо всех сил закричала: «Фриц, брось, что ты делаешь!» На мой крик вбежал наш солдат, и с немцем было покончено.

В этом бою политрук погиб, я была тяжело ранена в голову взрывом снаряда и без сознания отправлена в медсанбат. В сознание пришла лишь через пять суток, но выключилась память. На все вопросы отвечала: «236-й артполк». Затем память восстановилась, а слух я на половину потеряла. Пять месяцев госпитальной койки, инвалидность, но я предпочла вернуться в строй. За этот бой меня наградили первым орденом Красной Звезды.

Май 1944 г. Я направлена санинструктором отдельной роты ПТР 17-й межбригады 6-го гв. механизированного корпуса. Звание мое было – старший сержант. Командовал ротой капитан Михаил Яковлевич Небратенко. Вскоре его перевели в 126-й танковый полк, а мы пошли в бой под командованием старшего лейтенанта Петра Ивановича Костырина.

Солдаты роты после изнурительных боев в весеннюю распутицу болели фурункулезом, десны у них кровоточили. Я принялась лечить их народными способами. В весеннем лесу было много черемши, сосны пустили молодые побеги. Я обильно посыпала черемшой пищу солдат, а

молодую хвою сосны заваривала в чай. Солдаты брали меня, но пили и вскоре избавились от своих недугов.

Майор Спиленков, начальник санчасти бригады, вызывал меня и потребовал отчета, почему не посыпало солдат на лечение от фурункулеза и цинги. А когда я сказала, что у нас в роте больных нет – сам пришел и осмотрел солдат. Был удивлен, как мне удалось справиться без помощи врачей и аптечных витаминов. Похвалил на одном из инструктивных совещаний медработников. В роте я быстро завоевала авторитет, меня избрали комсоргом роты. Нас, нескольких молодых людей: меня, Павлика Липина, Глеба Зинченко, Сережу Жердина, Колю Лагунова, в бригаде уважительно звали «студентами», так как мы любили книги, организовывали их обсуждение в роте. Сережа Жердин прекрасно рисовал, оформляя боевые листки, наглядную агитацию.

Летом, после отдыха и формирования в Копычинцах, наша бригада в составе 6-го корпуса начала наступление в направлении Львова. Мне особенно запомнились прорыв в районе Колтув и бои за г. Золочев. Там, под деревней Княже, мне пришлось вынести с поля боя тяжело раненного майора. А в 1975 г. на встрече ветеранов в Москве он сам напомнил мне об этом эпизоде. Это был майор Степанов, командир 51-го мотоциклетного батальона корпуса.

Тяжелые бои с немецкими частями, пытавшимися прорваться на помощь своим во Львове, вели наша 17-я гв. механизированная мех. бригада 6-го гв. механизированного корпуса у г. Перемышляны.

Получилось так, что из медработников в Перемышлянах я была одна (санинструктора танкового полка убили в первом бою за город). И мне пришлось быть одной в разных лицах: оказывать помощь на поле боя, организовывать доставку раненых в укрытие. Для этого я облюбовала бывший немецкий госпиталь, его полуподвал.

Там, на втором этаже, лежали три немецких солдата в гипсе, в спешке отступления брошенные немцами. В этот дом я собирала раненых, оказывала всю помощь, которую могла, организовала их питание. У меня не хватало перевязочного материала, и тогда я стала собирать простыни в брошенных домах и рвать их на бинты.

Была я в Перемышлянах «начальником» госпиталя, фельдшером, санитаркой, поваром, снабженцем. И в роту бегала посмотреть, как там мои комсомольцы. Здесь в боях были ранены Сережа Жердин, Павлик Суворов. И сколько было радости, когда через пять дней приехал на санитарной машине Коля Баженов из медсанбата и стал забирать моих раненых. Как часто выручал он меня, приводя свою машину к самой передовой, чтобы забрать у меня раненых! За бои в Перемышлянах меня наградили вторым орденом Красной Звезды.

После почти недельных боев за Перемышляны мы, догнав свой корпус, очутились во Львове. Потом были бои за Самбор, форсирование реки Сан, освобождение г. Санок и стремительное наступление к Сандомиру.

Мне часто приходилось оказывать помощь солдатам 13-й армии, рядом с которыми мы воевали в это время, и направлять в наш медсанвзвод. Не раз меня ругал наш начсанбриг майор Спиренков: «До каких пор ты будешь таскать к нам чужих солдат?» На что я отвечала: «Мне некогда выяснять на поле боя, чей это солдат, я направляю вам наших, советских солдат». Конечно, случалось иногда и немцам оказывать помощь, но это было исключением.

Здесь, в боях за удержание Сандомирского плацдарма, меня приняли кандидатом в члены КПСС (конец августа 1944 г.).

В январе 1945 г. были тяжелые бои на территории Германии. В памяти остались р. Черная Ниса, г. Кельце, г. Петркув. Конечно же, не забыть форсирования р. Одера. Двигались мы лесными дорогами как-то очень быстро, спокойно. Немцы наверняка даже не подозревали об этом. Расположились недалеко от берега, в лесу. Не разрешались шум, движение, костры. Стали переправляться разведчики. Под обстрелом из восьми лодок западного берега достигла одна, солдаты оказались в ледяной воде, среди плавающих льдин. Затем была налажена понтонная переправа. Немцы бомбили и обстреливали переправу. И все спешили на западный берег, в г. Кёбен. Город смрадно горел.

И тут из уст в уста полетела весть, что Борис Костяков из своего полевого орудия сбил немецкий самолет. А мы двигались все дальше и дальше на запад, расширяя плацдарм и гордясь тем, что наша бригада первая из всех войск и фронтов Красной Армии форсировала Одер. Здесь, на Одерском плацдарме, меня приняли в члены КПСС и тут же начальник политотдела назначил меня парторгом роты.

После Кёбена марши бригады были стремительны. С боями форсировали реку Бобер, затем Нейсе. В боях за Нейсе погиб командир роты старший лейтенант П.И. Костырин, а вскоре — сменивший его лейтенант Н. Ямщикков.

Март 1945 г. Мы быстро наступали в направлении Берлина. Возникали жестокие схватки. В одном из таких боев под Штефандорфом был тяжело ранен наш комбриг Герой Советского Союза подполковник Леонид Дмитриевич Чурилов. Я оказала ему помощь на поле боя. А произошло это так.

Мы ворвались в какое-то село. Часть бригады осталась оборонять его, а часть пошла дальше в наступление. Я шла с отделением бойцов из нашей роты ПТР сержанта Жердина Сергея Григорьевича. Пришлось пробираться ползком, так как дорога простреливалась снайперами и автоматчиками. Мне надоело ползти. Сколько можно «кланяться» немцам? Встала и побежала.

Вдруг мне показалось, что меня ударили по голове, и в это же время кто-то сильно дернул за ноги. Это сержант Жердин сбил меня с ног, спасая от обстрела: «Ты что, погибнуть захотела? Снайпер бьет!» Моя шапка отлетела метра на полтора и была вся разорвана. Голова чудом не была задета снайперской пулей.

В лесу мы стали окапываться. Метрах в 200 от нашего окопа я увидала, что кто-то шевелится. «Вроде наш раненый», подумала я и побежала в том направлении. Это действительно был раненый майор, у него ранение в живот. Перевязала, втащила на свою плащпалатку и потянула к своим. Он стал меня просить: «Девушка, не надрывайся, брось меня!» Я спрашиваю: «Товарищ майор, сколько вам лет?» Отвечает – 24 года. Я говорю: «Ваша любимая когда-нибудь спасибо мне скажет, что я вас спасла». А он в ответ: «Не успел любимую завести». Притащила его в батальон майора Титова и отдала старшине, чтобы отправить в тыл.

Вдруг там, откуда я только что вытащила раненого, появилась немецкая «пантера». Батальон начал отходить, пыталась остановить, ничего не вышло. Я разыскала комбата Титова и сказала, что солдаты отступают. Он вскочил и побежал к солдатам, а ко мне подбежал ординарец комбрига и сообщил, что тот ранен. Я бегом к нему. Перевязала его, увидела, что ранение тяжелое, и попросила разрешения отправить в медсанбат на бронетранспортере. Комбриг не разрешил снимать с обороны боевую машину и приказал мне находиться поблизости.

Я проверила, есть ли еще раненые, кому-то еще оказала помощь. Раненых собирали в одно из спокойных мест. В это время к комбригу пришел командующий корпусом полковник Василий Федорович Орлов – Герой Советского Союза, и присел на землю рядом.

Я просила разрешения укрыть их в убежище, вырытое под рядом стоящим танком, но они отказались. Закурили. А в это время в верхушках деревьев разорвался снаряд. Командир танка был убит, множество осколков обрушилось на Орлова. Ему разбило тазовые кости, в ране все перемешалось с обрывками меховой одежды. С трудом перевязала его, и вместе с солдатами и офицерами мы погрузили обоих – Орлова и Чурилова – на зенитный бронетранспортер и отправили в тыл. Их сопровождал капитан Орлов, брат комкора. Ранение, полученное В.Ф. Орловым, было очень тяжелым, и он умер от ран в госпитале.

А я осталась в этом лесочке, продолжая оказывать помощь раненым. И опять из медиков я была одна – Марию, санитарку из батальона, убило накануне. В лесу мы сражались трое суток. На поле боя в этом же лесу начальник политотдела корпуса полковник Григорий Иванович По-

тапов вручил мне орден Отечественной Войны II степени за спасение жизни командиров.

Война продолжалась. В боях за Лукенвальде я была ранена в лицо. В госпитале мне наложили швы, перелили кровь, и я сбежала в свою роту.

Догнала их уже в Потсдаме. Потом было падение Берлина. И второго мая мои боевые товарищи обсыпали меня цветами сирени и тюльпанами, а я стояла среди цветочного дождя с обезображененным лицом, с которого только что сняли швы, и улыбалась весне, победе, солнцу.

Но война еще не закончилась. Нашу армию направили на помощь Праге. С брони танков, на которых мы двигались к Чехословакии, я видела развалины знаменитой Дрезденской галереи. Помню наш поход через Рудные горы, бой за первый чешский город Мост, ночной марш к Праге, чехов, которые освещали нам путь, чем только могли: фонарями, свечами, лампами. Море цветов... 8 мая я получила свое последнее ранение в ногу, и дальнейший путь совершила, сидя на машине, которая везла ящики с патронами для противотанковых ружей.

Боевые действия бригады завершились 14 мая. В дальнейшем бригаду перебросили в Австрию, а уже оттуда в сентябре я вернулась домой.

Таков боевой путь гвардии старшего сержанта – санинструктора роты ПТР 17-й гвардейской механизированной бригады 6-го гв. механизированного корпуса.

Награждена:

- орденами Отечественной войны I и II степени,
- двумя орденами Красной Звезды,
- медалью «За отвагу»,
- медалью «За боевые заслуги»,
- медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и другими.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Леонтьева Ирина Владимировна**, дочь Елены Михайловны